

УДК 82.091 ; 821.161.1.09"19"

А. К. Котлов

*Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова
ak_kotlov@inbox.ru*

ТРАДИЦИИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В ПРОЗЕ ОЛЕГА ПАВЛОВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье анализируются некоторые формы преемственных связей творчества современного прозаика Олега Павлова с мощным художественным феноменом – прозой Андрея Платонова.

Ключевые слова: А. Платонов, О. Павлов, современная русская проза, традиция.

A. K. Kotlov

*Nekrasov Kostroma State University
ak_kotlov@inbox.ru*

ANDREI PLATONOV'S TRADITIONS IN OLEG PAVLOV'S DISCOURSE: THE PROBLEM ARISES

The article deals some forms of Andrei Platonov's traditions in Oleg Pavlov's discourse – the latter is a contemporary Russian writer.

Keywords: Andrei Platonov, Oleg Pavlov, contemporary Russian literature, tradition.

Проблема бытования платоновской традиции в последующей русской литературе – довольно интересная и практически неисследованная литературоведческая проблема: слишком своеобразен художественный мир Андрея Платонова, причем не только форма, в которую облекается этот мир, – стиль писателя (в узком понимании данного термина), но и его «художественная метафизика». Под термином «метафизика» М. Н. Эпштейн – и мы идём в этом случае вслед за ним – понимает следующее: «постижение мира как целого, постановку основополагающих проблем бытия и самостоятельный поиск их общезначимых решений» (8, 7). При этом, как и указанный исследователь, мы подчеркнём, что «метафизика литературного произведения выражается не в философских рассуждениях, а в соотношении его образов, в особенностях стиля, в выборе слов и деталей, в его перекличке с произведениями других авторов, иногда удалённых на века и десятилетия» (8, 9). Следовательно, если говорить не об эпигонстве, когда лишь моделируются некоторые единичные конструкты якобы платоновского языка, а о действительной традиции, необходимо выявить преемственность на обоих коррелирующих друг с другом уровнях – на уровне стиля, и на уровне «художественной метафизики».

Очень многие современные писатели не только указывают на Андрея Платонова как на одного из любимых писателей, но и констатируют факт влияния платоновского художественного мира на их собственный. Один из них – Олег Павлов. Этот прозаик, помимо Маяковского, авангардистов Серебряного века в целом, Л. Толстого, Бунина, Чехова, Солженицына и других, среди русских писателей и поэтов особое место отводит именно Платонову. Причём главное воздействие на него автора «Чевенгура», по словам Павлова, именно, так сказать, «метафизическое»: «духовно повлиял Андрей Платонов» (выделено нами. – А. К.). По-видимому, это признание Павлова позволило одному из западных славистов в обзоре новейшей русской прозы сказать о данном писателе: «Andrei Platonov is his spiritual mentor» (т.е. «духовный наставник, учитель») (9, 173). Не случайно, следовательно, и написанное Павловым эссе «После Платонова» (6). В интервью писателя в журнале «Вопросы литературы», на вопрос Т. Бек, «в чем нынче главная традиция Платонова, которая жива», прозаик указывает именно на возможность художественно-философского воздействия автора «Котлована» на современный литературный процесс, стиль которого, по мнению Павлова, и не стиль вовсе,

а «мышление в языке»: «Платонов – это чистая метафизика. Там нет прямого вопроса и нет философствования, но любая картина – то, на что падает его взгляд, – содержит в себе вопрос и содержит в себе философию. Платоновская традиция – это сплав предчувствия и душевности. Платонов ищет для человека выход из самых разных духовных состояний, зачастую предельных. Из отчаяния, из нелюбви, из состояния человека, который пришел с войны и не может начать жить. Но мне это близко душевно, и не как иначе» (5).

Да, в ранних произведениях Павлова, например в его «Книге степей», «платоновизмы» в языке произведения отмечены многими критиками (так сказать, следы ученичества, рождающиеся от глубокого пиетета перед великим предшественником). Особенно беспощаден к этой черте павловского стиля был А. Агеев. В статье с ироничным названием «Самородок, или Один день Олега Олеговича» критик пишет о вышеуказанной книге и стиле Павлова в целом, отталкиваясь от вычитанной у рецензируемого автора фразы «Я по случаю рыл яму лопатой для солдатского нужника»: «А зачем Павлову нужны эти слова (в данном случае “лишнее” слово “лопата”. – А. К.), делающие фразу размягчено-придурковатой? Затем и нужны. Его герой должен рать лопатой, брать рукой, смотреть глазами. Чтобы соответствовать замыслу автора и намекать на “платоновское” в его стиле» (1). Да, исследователи платоновского языка не однажды отмечали его некоторую «избыточность». В статье Э. Рудаковской «Феномен языка Платонова (Исследовательская традиция и поиски новых решений)», где содержится своего рода перечень аспектов изучения языка данного писателя, среди прочего называются и «избыточность, плеоназм» (работы Т. Шеханова, А. Шиленко, Д. Колесова) (7, 289). Однако давно замечено, что подобные «избыточные» слова у Платонова, по мнению Н. А. Кожевниковой, «меняют масштаб изображения, придавая подчёркнутую значительность бытовым фактам» (3, 165).

А. Агеев, иронизируя над павловскими, как он считает, «огрехами стиля», заметил, что редакторы сначала убрали «лишнее» слово «лопата», а автор в следующем издании его восстановил (1). Языковая глухота Павлова, грубая речевая ошибка? Думается, нет. Может быть, в данном примере речь может идти всё о той же перемене «масштаба изображения»: в полном произвола прилагерном караульном мире, изображённом Павловым, рыть могли заставить и не только лопатой... Подтекстово возникает ощущение несвободы, усиленное ироничным «по случаю» и просторечным «нужник». (Кстати, А. Агеев отмечает в языке Павлова и «корявость», «многословность» (1), что, в принципе, вновь коррелирует со «странным» платоновским слогом.)

В то же время в результате подобных и иных языковых приёмов вечное, вневременное, соединяется с тварно-преходящим, как у Платонова, например, в его «веществе существования». Не случайно другой критик, более лояльный к языковым экспериментам Павлова, И. Борисова, пишет: «Действия, как и предметы, испытывают у Павлова постоянные метаморфозы. ...Павлов так и пишет, не отделяя природу душевную от всего предметного мира. В этой неразъёмности его движение и к тому, и к другому, к их обоюдному праву существовать» (2).

Можно отметить и близость субъектной организации текста у Павлова и Платонова, которая выявляет и положение автора в создаваемом художественном мире. У Платонова, давно замечено, «странность» языка отнюдь не привилегия героев – авторский слог тоже причудлив. Возможно, это и показатель «неразъёмности» автора и персонажей, что оставляет ощущение единства мира, каким бы этот мир ни был. Та же И. Борисова видит следующую отличительную черту субъектной характеристики произведений Павлова: «Каждый рассказ являет сложные отношения автора с языком его персонажей. Не растворяясь в нем, держа дистанцию, сохраняя свой авторский суверенитет, он сохраняет в то же время драгоценную для него общность с теми, о ком пишет, и горестную с ними солидарность, которая позво-

ляет ему слышать их язык во всех его смыслах. Он с ними и в то же время вне их. Он готов побывать в любой шкуре непритворно, до полного ее износа, ее, однако, не присваивая» (2).

Конечно, роднит этих художников и трагичность мировосприятия. Хотя у писателя XXI века, в отличие от идеалиста первой половины века XX-го, разъединённость с миром проявляется в большей степени. Если у Платонова, по словам А. А. Кретицина, «источником трагического является отчуждение смысла жизни, истины от мира, человека, самой жизни», а «трагическое положение человека в платоновском мире – следствие нарушения субстанционального единства человека и природы и, значит, человека и Жизни» (4, 66), – то у Павлова в его притчевых, как и у его учителя, произведениях экзистенциальное одиночество героев, сохраняясь, лишь ещё более нарастает. У Платонова, по мнению того же литературоведа, «жизнь, человек и мир, единые изначально, разминулись» (4, 66). А у Павлова, скорее, звучит иной вопрос, полный сомнений: «А было ли когда-нибудь это единство?»

Литература

1. *Агеев А.* Самородок, или Один день Олега Олеговича // Знамя. 1999. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/5/ageev.html>
2. *Борисова И.* Беспощадная власть простора (Олег Павлов. Степная книга) // Октябрь. 2009. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2009/2/bo15.html>
3. *Кожевникова Н. А.* Слово в прозе А. Платонова // Язык: система и подсистемы. К 70-летию М. В. Панова: сб. ст. М., 1990. С. 162–175.
4. *Кретицин А. А.* Трагическое в художественном мире Андрея Платонова и Бориса Пастернака // Творчество Андрея Платонова. Кн. 1: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 63–69.
5. *Павлов О.* «Я пишу инстинктом» (беседу вела Т. Бек) // Вопросы литературы. 2003. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/5/bek.html>
6. *Павлов О.* После Платонова // Павлов О. О. Гефсиманское время. М., 2011. С. 189–198.
7. *Рудаковская Э.* Феномен языка Платонова (Исследовательская традиция и поиски новых решений) // Творчество Андрея Платонова. Кн. 3: Исследования и материалы. СПб., 2004. С. 281–295.
8. *Эпштейн М. Н.* Слово и молчание: метафизика русской литературы: учеб. пособие для вузов. М., 2006.
9. *Shneidman N.N.* Russian Literature, 1995–2002: on the threshold of the new millennium. Toronto, 2004.